

Это великое приключение — быть собой.
Симона де Бовуар

Вы когда-нибудь выступали с речью на похоронах?

Множество заплаканных глаз уставились на меня, ожидая, что я сломаюсь. Словно выискивали во мне слабые места: дрогнет ли голос, станет ли слово поперек горла... Никому бы не пожелала оказаться на моем месте, особенно учитывая, что мне предстояло произнести.

Я прокашлялась и дважды постучала по микрофону. Воцарилась полная тишина. Битком набитая церковь вмиг онемела. Мое молчание слегка затянулось, напряжение нарастало, и Фридрих, сидевший в первом ряду, бросил на меня красноречивый взгляд, давая понять, что пора бы мне заговорить.

— Спасибо, что пришли проститься с моей мамой. Перед смертью Брижит попросила меня кое-что вам передать.

Я сделала паузу и посмотрела на распятие, висевшее на стене. Немного поколебавшись, я решила, что мама заслуживала, чтобы ее последняя воля была исполнена.

— Она попросила сказать вам: катитесь к черту.

Последние слова Брижит

Когда мама объявила нам с Этьеном, что решила продать семейный дом и переехать в Сент-Огюст-сюр-Мер, меня это разозлило. У меня в голове сложный пазл, где каждый занимает свое место. Если какие-то фрагменты перемещаются, я встаю на дыбы.

19 мая 2017 года мы втроем сидели в гостиной и паковали коробки.

— Вы же знаете, как я вас люблю!

Этьен поспешил ответить, что это взаимно. А у меня был только один вопрос:

— Почему так далеко?

— Я тебе уже говорила, Фабьена: жизнь так распорядилась.

— Жизнь никогда не играла со мной в агента по недвижимости.

— Это потому, что ты недостаточно открыта. Тебе не хватает гибкости.

Этьен украдкой швырнул в меня скотчем, взглядом призывая не отвечать на мамины слова. Конечно, это был не лучший момент, чтобы проявлять характер, но я наконец-то получила шанс поговорить о том, что мы упорно старались не замечать при каждой встрече.

— Вообще-то я аутистка.

Мама вздохнула.

— Слушай, как там правильно? Ты говорила, у тебя синдром Аспергера. Вот видишь, если бы в прошлом году ты прислушалась к моим словам, то не попала бы в эту клинику. Там диагнозы навешивают, как бирки на одежду. Где это видано — ставить такой диагноз тридцатишестилетней женщине? Мы с твоим отцом уже давно заметили бы, если бы с тобой было что-то не так.

— А, понятно... Не хочешь признавать, что это ваше упущение?

— Посмотри на себя, Фабьена! Ты с нами разговариваешь, смотришь нам в глаза, шутишь. Что не так? Тебе самой не надоело искать проблемы там, где их нет?

— Мама, какого цвета твои дни недели? Мои — белого, персикового, индиго, бирюзового, черного, серого и красного. А еще в моей голове все четыре времени года следуют друг за другом гуськом, а с апреля начинают подниматься по склону. Все дни с понедельника по воскресенье едут в вагонах, и я смотрю на них слева направо. Ты не помнишь, что в моей комнате четверо настенных часов, потому что я помешана на цифрах? Не помнишь, что я полжизни провела зажав уши

руками, из-за того что звуки казались мне слишком громкими? И как первые десять лет не желала есть ничего, кроме макарон с ломтиком желтого сыра? Ты и вправду не поняла, что я не такая, как вы все?

Пока я это говорила, мама смотрела на Этьена, но я все равно продолжила.

— Показать тебе заключение комиссии? Ты будешь все отрицать, как и семь лет назад, когда я была в депрессии, но знаешь что? Это расстройство часто сопутствует аутизму! Мне осточертело пытаться влезть в ваши рамки, чтобы вы меня приняли. Мне осточертело жить с этой скрытой инвалидностью. Я не просто существую: теперь я живу! Все эти тридцать шесть лет я притворялась, и ты же не станешь винить меня в том, что наконец я стала собой?

Она закатила глаза.

— Ладно, Фабьена. Давай для начала договоримся, что в каком-то смысле все мы немного аутисты.

Я вскочила на ноги и вышла из комнаты, отбросив в сторону моток скотча.

— У вас между ног не жжет? Ведь у всех нас тоже в каком-то смысле немного гонорея!

Оказавшись на улице, я села на бордюр. Двадцать минут спустя ко мне подошел Этьен.

— Не надо было с ней так, день и без того не из легких.

— Как «так»? Ты ее слышал? Не могу поверить, что моя собственная мать не понимает, что я не такая, как все!

— Забудь. Лучше помоги нам, грузовик приедет через час.

Я последней закрыла за собой дверь нашего семейного дома, все еще испытывая злость из-за недавнего разговора и из-за того, что мать с бухты-барухты решила уехать от нас так далеко.

Она не разрешила нам поехать с ней в Сент-Огюстюр-Мер, объяснив, что ее встретят друзья. Мы с Этьеном впервые слышали, что у нее там какие-то знакомые, но поняли, что лучше не задавать лишних вопросов. Когда я возвращалась к себе домой, на маяк, меня не покидало ощущение, что она что-то от нас скрывает.

Следующие месяцы прошли так же, как все предыдущие семь лет. В любую погоду я просыпалась в шесть утра и выходила на пробежку в лес, затем принимала душ, завтракала с моим парнем Фридрихом и шла на работу.

В тридцать лет я случайно оказалась в хосписе под названием Дом «Тропинка». Один из пациентов знал, что я художница, и его последним желанием было, чтобы я написала картину в его комнате. Очутиться наедине с умирающим было страшно, но я исполнила его волю. Так и получилось, что я полюбила это место благодаря Жерару Дюбюку, для которого писала здесь однажды зимним вечером. И я до сих пор очень горжусь этой работой.

Долгое время я занималась всем подряд, предлагала помощь там, где в ней нуждались. С каждым годом я все

чаще появлялась на общих собраниях, но больше всего мне нравилось писать перед пациентами.

Одним октябрьским вечером, во вторник, я работала в Доме, когда прилетело сообщение от Этьена:

Я в больнице в Дэмоне, с Брижит.
Не звони, по телефону объяснить
не смогу. Приезжай плжста...

Сначала я попыталась дозвониться Фридриху, чтобы он меня отвез, но постоянно попадала на автоответчик.

Вообще-то я и сама умею водить, но за город выезжаю нечасто. Когда я сказала Лие, что срочно должна ехать, она предложила отвезти меня. Конечно, можно было бы взять такси, но такого рода идеи редко приходят мне в голову. Меня кидает в холодный пот от мысли о том, что придется долго ехать и беседовать с незнакомым человеком в тесном замкнутом пространстве.

В машине я задавалась вопросом, как и почему мама оказалась в нашей больнице, в трех часах езды от ее дома. Что, если она хотела устроить нам сюрприз своим приездом, но попала в аварию? Нет, вряд ли, мама никогда раньше не приезжала нас повидать. Я продолжала ломать голову до тех пор, пока Лия не высадила меня у дверей больницы.

— Припаркуюсь и догоню.

Я вошла и сразу увидела Этьена — он толкал перед собой инвалидную коляску. Его спина не давала

разглядеть сидевшую в ней женщину. Мелькнула мысль: «Это не мама...»

Со дня ее переезда мы не виделись пять месяцев. Подойдя ближе, я схватилась рукой за сердце — так она исхудала.

— Мама, как ты здесь оказалась?

Едва я задала этот вопрос, Этьен оглушил меня тремя словами:

— Рак поджелудочной железы.

Я рухнула в оказавшееся рядом кресло. Будь я старым телевизором, сейчас по мне пришлось бы стукнуть, чтобы я снова заработала: у меня пропали и звук, и изображение.

Мама смотрела прямо перед собой. Пациенты рядом с нами замолчали. Заметив в отдалении кофемашину, я пошарила в карманах в поисках мелочи. Добавить к стрессу кофеин — не лучшая идея, но надо было срочно на что-нибудь переключиться. Оказалось, не мне одной пришла в голову эта мысль, и спустя несколько минут я вернулась с пустыми руками: не хотелось стоять в очереди из пятнадцати человек. Бросив взгляд на маму, я увидела что-то у нее в руке. Этьен заметил мой вопросительный взгляд.

— Она сказала, это желтый апатит.

Я погуглила название камня и прочитала вслух:

— Желтый апатит: лечит печень, поджелудочную железу и избавляет от целлюлита. Мама, у тебя и так всегда были красивые ноги. Тебе это ни к чему.

Это неуместное замечание вызвало у Этьена истерический смех. Я смотрела на него и не могла понять: то ли он рассмеялся до слез, то ли не в силах больше сдерживаться. Мама продолжала перекачивать в ладони камень, не подавая виду, что услышала меня.

Много лет она была членом общества «Лунный круг» — их ритуалы основывались на молитвах, песнопениях и литотерапии, а главная цель состояла в избавлении от телесной боли. Все ее карманы были забиты камнями, она раскладывала их повсюду, чтобы отогнать скверну, привлечь добро и положительную энергию. Как-то раз она даже призналась мне, что носит один камешек в бюстгальтере, «поближе к сердцу». Тогда я ответила, что большинство людей делают как раз наоборот — ходят к психотерапевту и платят баснословные деньги, чтобы тот помог избавиться от камня, лежащего на этом самом месте. Она сказала, что мне не понять.

Лия подошла в тот момент, когда медсестра назвала номер, который Этьен держал в руках. Дальше все пошло по накатанной. Мамины документы передали в Дом «Тропинка», и на следующее утро ее приняли.

К девяти утра, обустроив маму в палате, я предложила Этьену пойти в холл для посетителей — он был на третьем этаже.

— Давно ты об этом знаешь?

— О том, что у нее рак, еще с мая. Она потому и переехала, чтобы сменить обстановку.

Я смотрела на Этьена и думала, что, если бы мы предложили этот сценарий режиссеру, он просто посмеялся бы. Все слишком ужасно, чтобы быть правдой.

— Ты уже пять месяцев в курсе, что мама больна, а я узнаю, когда уже совсем поздно?

— ...

— Но почему она не легла в больницу раньше?

— Она отказалась лечиться и не хотела, чтобы я тебе об этом говорил.

— Почему?

— Считала, это бесполезно.

Я поглубже погрузилась в кресло и принялась тереть кольца.

— Ну да, логично.

Этьен вздохнул.

— Что логично? Ты о чем?

Я покивала, словно мне вдруг все стало ясно.

— Она всю жизнь провела засунув голову в песок — и вот теперь задыхается.

— Ну хватит тебе, Фаб!

Я пожала плечами и добавила:

— Именно так оно и есть, но чего уж теперь.

Мы спустились обратно к ее палате и прямо перед дверью встретили медсестру Мирей.

— Ну как? Ваша мама с вами говорила после приезда?

— Нет, ей не нравится, что она здесь.

— Держитесь...

— Спасибо, Мирей.

Я оставила Этьена наблюдать за мамой, пока она спала, и пошла домой принять душ и перекусить. На кухне сидел Фред. Не отрывая глаз от газеты, он спросил:

— Ну что?

— Ей уже недолго осталось.

— Сочувствую.

Не успела я подняться, раздеться и включить теплую воду, как от Этьена пришло сообщение:

Вернись, пожалуйста, все очень странно.

Еду.

Я приняла самый быстрый душ в истории человечества, спустилась и по дороге схватила со стола яблоко. Фред наблюдал, как я в спешке натягиваю сапоги.

— Снова уходишь?

Я на ходу чмокнула его в губы.

— Расскажу, если будут новости.

Этьен ждал меня у двери Дома «Тропинка».

— Что случилось?

— Мне не нравится оставаться с ней вдвоем, она на меня постоянно смотрит.

— Ты мог бы ей что-нибудь рассказать, слышит-то она еще хорошо.

— Нет, ты не понимаешь, она на меня злится. Потому и молчит.

Мы сели в гостиной, между ресепшеном и пианино — мое любимое место.

— Вот я как раз и хотела спросить. Что случилось?

— Она позвонила мне позавчера из Сент-Огюста и попросила свозить ее посмотреть, как желтеют деревья в Дэмоне. Соскучилась по осеннему лесу. Но когда я увидел, в каком она состоянии, психанул и сказал, что мы едем в больницу. Все три часа пути она уговаривала меня вернуться, а когда поняла, что ничего не выйдет, у нее случилась истерика.

— Это все очень серьезно. Почему ты не позвонил?

— Подожди. Она стала повторять, что ей не нужна помощь, что братья и сестры света спасут ее и что мы не сможем ее понять, потому что мы не солдаты.

— Так и сказала? Солдаты?

— Солдаты «Лунного круга».

— Что за черт...

Я тут же пообещала Этьену, что больше не оставлю их вдвоем, а если ему понадобится уйти, без проблем посижу с мамой одна. Мы вошли в комнату номер восемь. Мама проснулась, хоть мы и ступали на цыпочках. Я помахала ей рукой, но она не отреагировала.

Два дня мама просидела у окна, глядя на шоссе, не выпуская из рук камень. Мы с Этьеном рассказывали ей обо всех шалостях, о которых раньше никогда не говорили. Мне показалось, что на ее лице мелькнула

чуть заметная улыбка, когда я вспоминала об истории с мадам Буше: мы спрятали у нее в почтовом ящике банку с пауками. Мюрьель Буше была равнодушна к моему папе, поэтому часто приглашала его к себе пропустить бокальчик, от чего он всегда вежливо отказывался.

Днями и ночами мы сидели с мамой в Доме «Тропинка», лишь изредка ненадолго отлучаясь, чтобы сходить домой помыться и переодеться. На третий день я сидела в кресле-качалке, листая ленту в твиттере, а Этьен читал журнал, стоя у окна.

— Скажи...

От неожиданности мы оба вздрогнули: это были первые мамины слова после приезда. Мы подошли ближе. Ее голос был очень слаб, и мы замерли, боясь ее перебить. Она посмотрела мне в глаза.

— Скажи им: пусть катятся к черту.

Я ждала, что она добавит еще что-нибудь, но нет, эта была ее последняя фраза. Мама умерла на следующий день, в пятницу, день черного цвета, в пятнадцать часов семнадцать минут.

Между козлом и овечкой

Я упаковывала последние подарки, когда в дверь позвонили. Из окна я увидела, как Этьен и Кловис, его сын, бросают друг в друга снежки, пока я иду им открывать. Фридрих должен был прийти попозже, он помогал ребятам на кухне в «Thym et Sariette».

Проходя мимо зеркала, я поправила волосы и улыбнулась. Днем я собирала в лесу шишки и еловые ветки для украшения маяка. Потом украсила птичьи кормушки гирляндами из сухофруктов, повесила на кленовые ветки кусочки сала для дятлов и насыпала орехов белкам. И, наконец, сделала генеральную уборку во всех комнатах под любимые песни.

Если мне нравится мелодия, я могу слушать ее часами, и мне она не надоедает. Из уважения к Фридриху при нем я надевала наушники, но наедине отрывалась по полной: из колонок в гостиную на всю катушку гремел старый рок-н-ролл. Я была в восторге оттого, что

весь вечер будет посвящен исключительно развлечениям, еде и веселью.

Эта осень была перенасыщена событиями, и мне не терпелось немного передохнуть. Остаться дома, устроить маленький праздник с теми, кого люблю, — таков был мой план идеального вечера. Идея проста: повседневная одежда. Ничего неудобного, ничего неестественного. Я сказала Этьену, что надену свои поношенные джинсы — от времени они растянулись, стали мягкими — и бамбуковый джемпер. Он тоже может одеться как ему удобно. Он заметил, что я могла бы сделать над собой усилие и нарядиться в вечернее платье, но я стояла на своем.

Открыв дверь, я чудом увернулась от снежка, брошенного в меня Этьеном.

— Да что ж такое! Промазал!

— Эй! Будешь распаковывать подарки на улице! Заходи, Кловис, твой папа наказан.

Мальчик засмеялся, показывая на отца пальцем. Я незаметно наклонилась набрать в горсть снега и подошла поцеловать Этьена, но в последнюю секунду размазала снег по его лицу, как кремовый торт.

Кловис хохотал до упаду. Мы вошли в дом. Под радостные возгласы мальчиков, восхищенных моей огромной елкой у окон гостиной, я приняла у них верхнюю одежду и спальные мешки.

— А почему ты живешь на маяке?

Я обняла Кловиса.

— Чудной ты — вечно задаешь мне один и тот же вопрос, как ни придешь. Согласна, маяк в лесу — это странновато. Обычно они бывают возле воды. Но дело вот в чем: мой дом построен так, что когда я сижу у себя в мастерской на верхнем этаже и смотрю в окно, то вижу очень-очень далеко. Так далеко, что на днях я, кажется, видела остров с пиратами.

— Пиратами!

— Разве я не говорила? Так сходи, глянь. А я пока приготовлю тебе чего-нибудь вкусного и вредного.

Кловис побежал по лестнице так, будто наверху его ждали сокровища. Трудно было поверить, что ростом он мне уже по локоть.

— С ума сойти, до чего быстро время летит. Он так вымахал.

— Ему уже пять, почти маленький мужчина.

Я жестом пригласила Этьена на кухню.

— Есть вино, пиво и джин. Что тебе налить?

— Тебе не кажется это странным?

— Нет, если только не станешь смешивать.

— Я не о выпивке. Тебе не кажется странным, что ее с нами нет?

— Нет.

Он смотрел на меня — в его глазах стояли слезы.

— Вообще это не первый раз, когда мамы нет с нами на Рождество. Ты забыл, что было два года назад? Ее гуру позвонил и сказал, что она должна ехать к ним, потому что как раз на этот день выпало полнолуние.

Она сказала мне: «Моя миссия не в том, чтобы причинить урон земле. Наоборот, я освещаю ее благодаря участию в «Лунном круге». Мы — дети луны».

— Да, помню, но сейчас все по-другому. Ее на самом деле больше нет.

— Вот именно, но мой траур начался не два с половиной месяца назад, а двадцать пятого декабря две тысячи пятнадцатого. И теперь мне даже легче, потому что не надо больше за нее переживать.

Последовало долгое молчание. Похоже, мы оба мысленно прокручивали в голове мои последние слова.

Этьен, легонько похлопав меня по плечу, сказал:

— На этой неделе самое время навеститься в наш дуплекс.

— Обещают снег.

— С каких это пор ты боишься снега, Фаб? Такими темпами нам не видать наследства еще несколько месяцев.

— Не люблю ездить по трассе зимой.

— Сент-Огюст всего в трех часах отсюда, и мы не в экспедицию собираемся! К тому же за рулем будешь не ты.

— К весне я буду готова. Только не ездь без меня, окей?

Этьен вышел на балкон за пивом. Я знала, что он раздражен, но сдерживается, чтобы не испортить праздник. То, что мама завещала свой дуплекс нам с Этьеном, не было неожиданностью. Как-то вечером

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru